
АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

ШОРНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

“Политкорректная биология” — опасный утопический проект

В 1980–1990-е гг. в социальных науках сложилось направление под названием **“конструктивизм”**, которое вообще отрицает реальность таких феноменов, как раса или этнос, и полагает их некими “воображаемыми сообществами” (Андерсон), своего рода виртуальной реальностью, существующей лишь в нашем сознании в качестве сотворенных “конструктов”, но не в реальной жизни. Адепты этого направления, в разной мере его разделяющие и развивающие, — западные мыслители Ф. Барт, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Смит, К. Дойч, Т. Рейнджер, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдье, Э. Гидденс, в какой-то степени Э. Хобсбаум и др. Типичным для этой группы является абсолютно ложное, на взгляд большинства отечественных этнологов, утверждение норвежца Барта: “Этничность — это форма социальной организации культурных различий”, выхолащивающее из сугубо биологического понятия самое биологическое содержание.

Интеллектуальная мода на изощренное отрицание очевидного, на игру в “черное — это белое”, на тонкие высокопрофессиональные провокации и подлоги захватила сегодня определенную часть научного сообщества. Нелепые попытки привести биологию в соответствие с “политкорректностью”, непрекращающаяся “охота на ведьм” со стороны так называемых правозащитников, сопровождающаяся реальными тюремными сроками для смельчаков, продолжающих служение истине, возымели серьезные последствия. Поскольку страх перед жизнью заставил целую генерацию деятелей науки не только самим себе завязать глаза и вставить в рот заглушку, но и попытаться проделать то же с наукой вообще. Подобная тенденция вызрела и в России.

С философской точки зрения конструктивисты представляют собой течение сугубо идеалистическое, с уклоном в субъективный идеализм. Биологизм как метод и как принцип ими не берется в рассмотрение вообще, представляя собой фигуру умолчания, как будто нет на свете тысяч добросовестнейших исследований серьезных ученых биологического профиля — этнологов и антропологов.

Интересно, что и в СССР была некогда попытка объявить, что расы не существуют и что “первой главной” задачей советского расоведения является “разоблачение всякого рода попыток перенесения биологических закономерностей на общество и вскрытие лживости антропо-социологических и прочих империалистических расовых теорий”. Эта попытка относится к началу 1930-х годов (В. Ф. Асмус, А. И. Ярхо и др.).

Но к чести отечественной биологической науки надо заявить, что она не только не пошла в 1930-е годы и позднее на поводу у глашатаев и инквизиторов страшной антинаучной идеологии, но и сегодня противосто-

ит бредоумствованиям конструктивистов. Об этом ярко и многократно свидетельствуют высказывания наших ученых. Они дали настоящий бой шарлатанам от науки – конструктивистам, проведя в Москве в 1998 году 1-ю международную конференцию “Раса: миф или реальность?” под эгидой Российского отделения Европейской антропологической ассоциации и при поддержке многочисленных всемирных и отечественных профильных научных учреждений. Выдающийся антрополог А. А. Зубов в докладе “Сущность “кризиса” расоведения” открыто поднял тему указанного противостояния в науке и назвал вещи своими именами. Проанализировав аргументы противника, он вынес предельно уничижительный, но справедливый приговор: **“Все перечисленные положения, на которых базируются отрицания реальности рас, ошибочны, недостаточно обоснованы либо тенденциозны и полностью игнорируют ценный положительный вклад расоведения в науку о человеке”**.

В более мягкой форме, но столь же принципиально Г. А. Аксянова в докладе “Категоризация как универсальное явление осознания мира (на примере расовой дифференциации человека)” заявила: “Отказ от концептуального понятия “раса” как объекта исследования в физической антропологии следует, на мой взгляд, отнести к разряду иллюзий, ошибок восприятия, т. к. накопленный материал позволяет говорить, что это является неадекватным отражением изучаемой нами действительности. А простой отказ от термина “раса” вообще не меняет объективной морфологической реальности в биологии человеческих популяций”. В том же духе высказывались и другие участники конференции.

Эта оценка тем более важна, что перестройка, увы, все же изменила некоторые общественно-политические приоритеты, объявив “немодным”, “устаревшим” добросовестный научный позитивизм и попытавшись привить нашему обществу комплекс неполноценности перед западной наукой. Метастазы идеологической опухоли, взращенной конструктивистами, прорывают и в российскую околонучную и даже научную общественность. Не в последнюю очередь это связано с тем, что руководителем головного НИИ этнологии и антропологии РАН был в 1989 году назначен убежденный конструктивист и “либерал-демократ первой волны” В. А. Тишков. Он сам и его сотрудники, такие как С. Абашин, С. Соколовский, Е. Филиппова, В. Шнирельман, или бывшие сотрудники, или ученики делают все возможное, чтобы привить российскому научному сообществу псевдонаучную идеалистическую конструктивистскую ересь. Работая на гранты и при поддержке западных фондов – Фонда Д. и К. Макартуров, Фонда Сороса, Фонда Форда и др., – они проводят форумы, готовят и издают доклады, брошюры и книги, “доказывая” нам, что расы и этносы – фикция. В этом им изо всех сил помогают и весьма далекие от естественных наук специалисты – философы и правозащитники.

Памятником такой совместной деятельности явился сборник докладов и обсуждений под названием “Расизм на языке социальных наук” (СПб., 2002), выпущенный по материалам конференции “Социальные науки, расистский дискурс и дискриминационные практики” (СПб., 2001). Она проводилась на деньги Фонда Форда под эгидой Центра независимых социологических исследований, правозащитного центра “Мемориал” и Центра развития демократии и прав человека. Остановимся на этом издании, чтобы наглядно проиллюстрировать опасность.

Как открыто объявлено в предисловии, “большинство участников конференции являются сторонниками конструктивистской парадигмы и рассматривают “этнические различия” как результат процесса приписывания “этнического” смысла наблюдаемым различиям в поведении, внешности и т. п.”.

С главным докладом “Преодолимо ли этноцентрическое мышление?”, выполненным по заказу Фонда Макартуров, выступил философ В. Малахов (Институт философии РАН)*. Он пытается уверить заказчиков и публику: “Об отказе от сделанного нет и речи. Так что тезис о “конструируемости” этнических и национальных сообществ постепенно становится в международном обществоведении общим местом”. Однако его крайне тревожит,

---

* Автор книги с конъюнктурным названием “Скромное обаяние расизма” и другие статьи”. – М.: Модест Колеров и “Дом интеллектуальной книги”, 2001.

что в отличие от Запада “наш общественно-политический дискурс буквально пронизан этноцентристскими представлениями. Они воспроизводятся с поразительным постоянством как на уровне элит, так и на уровне массового сознания. . . Производимое наукой знание транслируется через масс-медиа в самые широкие слои населения. Телекомментаторы и журналисты, работающие в массовой печати, может быть, высоколбых текстов в руки не берут, но они просматривают словари и энциклопедии, они читают популярные брошюры, которые учеными мужами и учеными женами пишутся. Должен признаться, что я был в некотором шоке, когда проделал путешествие по словарям и энциклопедиям. Оказалось, что 99% того, что пишется у нас на темы “нации” и “национальных отношений”, написано с этноцентристских позиций. Даже самые продвинутые ученые, причем не этнологи, а политологи, социологи – я мог бы назвать имена очень уважаемых людей, – стихийно воспроизводят эти интеллектуальные навыки и соответственно навязывают своему читателю”.

Как характерна эта “оговорка по Фрейду”, выдающая панический страх политически ангажированной философии перед производимым наукой знанием! Заметим, “философ” даже не ставит вопрос, единственно приличный для ученого мужа: о соответствии истине выводов “продвинутых ученых”, о справедливости и адекватности “интеллектуальных навыков”! Нет, он лишь жалуется: “Этим индоктринациям очень трудно противостоять”. А зачем же это делать? Впрочем, этим вопросом надо было задаваться до получения гранта от Макартуров. . .

Наряду с этими общими тревогами нашего философа тревожат и некоторые частности, а именно: “...Этническое понятие нации, тоже с поразительной настойчивостью воспроизводимое подавляющим большинством русскоязычных работ на эту тему. Очень мало кто у нас понимает нацию в политическом смысле – как гражданское сообщество. Для русскоязычных авторов нация – явно или неявно – есть этническая общность”. Здесь Малахов во весь рост встает плечом к плечу с Тишковым, чьи хлопоты по внедрению в России концепции политической нации столь же настойчивы, сколь и пустопорожни.

Другие авторы сборника, не стесняясь, идут и на обман. Так, С. Соколовский в докладе “Расизм, расиализм и социальные науки в России”, указывая на объективные сложности научной классификации рас и этносов, торопится уверить нас, что “все это заставило сегодня многих антропологов пересмотреть основания всех перечисленных дисциплин и заявить, что расы являются типологическим конструктом, то есть артефактом исторически наплававшихся классификаций и классификационных процедур, а не группировками, обладающими относительно четкими границами и реальностью за пределами классификационных упражнений и вырастающих на их основе расиалистских доктрин. Критический пересмотр имеющихся в распоряжении антропологов данных о глобальном распределении всех известных физических характеристик человеческих существ заставил отказаться от постулата объективного существования рас и отнести его к числу расиалистских”.

Выше мы видели, что в среде серьезных антропологов, в частности российских, дело обстоит прямо противоположным образом. Больше того, парой страниц ниже Соколовский сам признает, что *и в современной Америке попытка замолчать расовую проблематику, изобразить ее как фантомную сорвалась*: “Практически одновременно несколько видных американских юристов и социологов констатировали тот факт, что вопреки усилиям американского общества проблема расизма остается не только одной из главных проблем XX века, но и будет оставаться в числе ведущих проблем века XXI”. Но тишковского питомца это не смущает. Лгать так лгать! И как не использовать при этом терминологическую путаницу специально с целью избавиться от одиозного термина “раса”! Соколовский завершает свой доклад холодной и мнимо объективной констатацией, призванной подтвердить якобы высокую сложность темы: “Проблема существования рас у человека остается весьма острой, о чем свидетельствует и разделенность мирового сообщества биоантропологов на два непримиримых “лагеря”. В одном из них существование рас у человека признается неоспоримым фактом (к этой группе принадлежит и большинство российских антропологов), в другом расы рассматриваются как устаревшие классификационные

(типологические) конструкты, от которых необходимо избавиться”. Честнее было бы сказать, что научный и околонучный мир раскололся на два лагеря: истинных ученых, изучающих объективную реальность, и фикционистов, пытающихся уверить нас, что отражение объекта в зеркале – есть, а самого объекта при этом – нет.

Нелепость всей ситуации неожиданно остро восчувствовал участник дискуссии В. Воронов: “Вспомните один из известнейших анекдотов про Вовочку. Учительница предлагает детям назвать слова на букву “ж”. Вовочка называет известное слово. Учительница говорит: – Нет такого слова! – А Вовочка отвечает: – Как же это, Марьиванна, ж... есть, а слова “ж...” нет?!”.

В самую точку попал петербургский социолог! Но – остался не услышанным.

Еще один питомец Тишкова, В. Шнирельман, весьма обеспокоен продвижением в общественном сознании так называемой цивилизационной концепции, как в классическом изложении С. Хантингтона, так и в его доморощенных российских интерпретациях. Его, впрочем, беспокоит не столько сама теория, сколько ее практическое применение в России, которое “фактически игнорирует нерусские культуры России и их специфику; они попросту поглощаются “российской цивилизацией”. Между тем это по сути имперское использование понятия “культура” уже выявило свое нутро в нацистской Германии. Как говорил Теодор Адорно, “идеальное состояние культуры в виде полной интеграции находит свое логическое выражение в геноциде”.

Кодовое слово произнесено. Снова к сложнейшему сейфу, хранящему знания и научные традиции, некто подбирается с примитивной отмычкой мифа о Холокосте. Сейчас всем участникам дискуссии полагается в священном ужасе умолкнуть и, как под гипнозом, послушно выполнять все, что велит гипнотизер...

Заметим: Шнирельман, подцепленный острым вопросом, признал: “Об объективной версии истории я не только не говорил, я ее даже и не подразумевал! Но ведь лейтмотив моего выступления сводился вовсе не к этому. Речь-то шла о том, что сегодня появились учебники, которые провоцируют расистские чувства”. К черту истину, к черту и самый поиск истины, если они провоцируют “не те” чувства! Достойная ученого позиция, нечего сказать!

Беда в том, что упомянутые авторы рядятся в тогу небожителей, на деле оставаясь вполне земными функционерами. Отрабатывая гранты, они идут в СМИ, в научно-популярные издания, в школы, в вузы. Оболванивают мало-сведущую молодежь и читателей. Ибо есть глобальный политический заказ на опустошение, обесмысливание терминов “раса”, “этнос”, “нация”. Этим занимаются не только отдельные деятели вроде вышеозначенных, но и целые коллективы и группы. Особенно на Западе, особенно в Америке, Англии и Франции (где этнополитическая ситуация наиболее кризисна). Но сегодня они разворачиваются и у нас. Сумеем ли мы дать им отпор?

Здесь самое время обратиться к российскому столпу конструктивизма, питомцы и единомышленники которого цитировались выше: к доктору исторических наук **В. А. Тишкову**, директору Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН), бывшему гайдаровскому министру по делам национальностей, ныне возглавляющему в Общественной палате при президенте Комиссию по вопросам толерантности и свободы совести. Как видим, фигура немалая и неслабая в раскладе политических сил, заметно влиявшая на всю национальную политику начиная с 1989 года, когда в журнале “Коммунист” вышла его программная статья “Народы и государство”, после которой восходящие к власти демократы отметили автора и возвели высоко. С того же года возглавляет он и ИЭА.

Его карьера как ученого была всецело внеположна России с ее проблемами: и кандидатская (“Исторические предпосылки канадской революции”, 1969), и докторская (“Освободительное движение в колониальной Канаде”, 1978) диссертации посвящены Стране кленового листа, как и монография “История Канады” (1982, совместно с Л. В. Кошелевым), и др.

С Канады он переключается на Америку: “История и историки в США” (М., 1985), “Коренное население Северной Америки в современном мире” (М., 1990), “Америка после Колумба: взаимодействие двух миров” (М., 1992), “Американские индейцы: новые факты и интерпретации” (М., 1996), “Экология американских индейцев и эскимосов” (М., 1988, ред.) и т. д.

С таким-то багажом, насквозь пропитавшись западными, в особенности американскими, стандартами, установками, критериями, нравственностью и методиками, он принялся судить и рядить о нормах и идеалах межнациональных отношений в России, принялся по этим стандартам и установкам кроить концепцию российской национальной политики. Подобная стажировка “демократа первой волны” как нельзя более устраивала антирусскую либерально-демократическую власть, пытавшуюся во всем переделать Россию на западный манер. Что и отразилось на карьере автора.

Последний труд его называется очень характерно и вызывающе, то есть – если учитывать должность автора – программно: “Реквием по этносу” (М., 2003).

Среди многочисленных публикаций Тишкова есть смысл остановиться на наиболее показательном сборнике работ “Очерки теории и политики этничности в России” (М., 1997), в котором заявлены все основные, принципиальные идеи автора.

Вот его некоторые постулаты, весьма туманные по смыслу, но зато ярко иллюстрирующие позицию **конструктивиста**:

– “Будучи вопросом сознания (идентификации), членство в этнической группе зависит от предписания и самопредписания”;

– “Этническая идентификация (в советской терминологии “национальная принадлежность”) есть не биологическая категория и врожденная характеристика человека, а прежде всего сознательный или навязанный выбор”;

– “По моему убеждению, нация – это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки”;

– “Национальность – не врожденное человеческое свойство, хотя оно чаще всего воспринимается таковым. Также и нации создаются человеком, усилиями интеллектуалов и государственной политической волей. Нация – это внутрigrупповая дефиниция, и ей невозможно придать строго научную или конституционную формулу. Это же касается еще более мистической категории “этнос”. К сожалению, оба понятия присутствуют в политическом языке и нормативно-правовых текстах”;

– “Государства создаются людьми, решившими составить гражданское сообщество, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия своего социального существования” (Жан-Жак Руссо с его сочинением “Об общественном договоре...” просто младенец.)

И так далее в том же духе. Тишков со всей активностью не только пропагандирует саму концепцию конструктивизма, но и критикует сторонников естественнонаучного подхода к теме. Он пишет:

“В чем суть этого [конструктивистского] подхода, который мы пытаемся ввести в наш академический дискурс в течение ряда последних лет?”

Мы рассматриваем порождаемое на основе историко-генетической дифференциации культур этническое чувство и формулируемые в его контексте мифы, представления и доктрины как интеллектуальный конструкт”.

Возведя столь откровенно субъективный идеализм в принцип, Тишков походя раздаёт уничижительные характеристики противнику: “Важным моментом в нашем подходе к проблемам этничности является неприятие надменности объективистско-позитивистской парадигмы, которая является глубинной причиной современного кризиса отечественного общественнознания. Наш подход не столь обременен установкой акцентировать субстанцию, т. е. реальные группы, в том числе этнические, по их членству, границам, правам и т. п. в ущерб отношениям в социальном пространстве. Он позволяет избавиться от иллюзии рассматривать теоретически сконструированные классификации как реально действующие группы людей или как законы общественной жизни. Он не позволяет бесчувственную спешку с переводом мифических конструкций и символической борьбы на язык государственных законов, президентских декретов или военных приказов”.

Резко. Определенно. Эмоционально. **Но убедительно ли?** Самое поразительное, что открывается при чтении работ Тишкова, это его принципиальное нежелание хоть как-то подкреплять аргументами свои основные тезисы. И выход из этого тупика он находит самый примитивный. Не в силах

ничего доказать на деле сам, он взывает к авторитетам: Барт, Дойч, Геллнер, Хобсбаум, — но делает это совершенно напрасно. Ибо мы тоже их читали и давно убедились в малой заслуженности авторитета названных лиц. Их мнение — не аргумент для нас, не говоря уж о том, что порочен сам метод аргументации *ad hominem*.

Посудите сами. Перед вами — несколько цитат, избранных Тишковым единственно для подкрепления своей позиции. Но, на мой взгляд, они скорее разрушают ее, сами нуждаясь в подкреплении, которого не в силах дать никто. Я привожу цитаты именно в тишковском контексте, демонстрируя их порочное, но органическое единство:

— “Понятие нации требует коренного пересмотра в нашем общественном знании, а вместе с этим — в общественно-политической и конституционно-правовой практике. Распутать этот клубок чрезвычайно сложно. В этой связи Э. Геллнер, на мой взгляд, справедливо замечает: “У человека должна быть национальность, как у него должны быть нос и два уха... Все это кажется самоочевидным, хотя, увы, это не так. Но то, что это поневоле внедрилось в сознание как самоочевидная истина, представляет собой важнейший аспект или даже суть проблемы национализма. Национальная принадлежность — не врожденное человеческое свойство, но теперь оно воспринимается именно таковым”;

— “Не среди наций рождаются национальные движения, а, наоборот, на почве национальных движений, достигших определенного развития народов, оформляется идея нации. Нельзя не согласиться с Э. Геллнером, что “нация создает человек, нации — это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей. Обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества и превращает их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они ни были, которые отделяют эту группу от всех стоящих вне ее”. У этого же автора есть еще более лаконичное определение нации, заимствованное у Карла Ренана, — это своего рода “постоянный, неформальный, извечно подтверждаемый плебисцит”.

В другом месте Тишков вновь приводит эту же полюбившуюся ему мысль об этносе как “постоянном внутреннем референдуме”, существующем якобы в сознании индивида. На наш взгляд, это верх абсурда, и в действительности существование этноса это вовсе не субъективно-идеалистический “постоянный внутренний референдум”, достойный лишь жалкого рефлектирующего ничтожества, а скорее постоянный экзамен общности на силу, жизнестойкость и конкурентность, где “неуд” равнозначен смерти.

Тишков, однако, продолжает ссылаться на авторитеты.

Явно преждевременно настаивая, что “нищета примордиализма и демистификация этнических привязанностей” (Эллер, Коуглан) стали общепризнанными в науке, Тишков вслед за Ричардом Дженкинсом считает, что важность этих дебатов сохраняется, поскольку “грубый примордиализм — это в основном обыденный взгляд, но обладающий огромной силой в современном мире”^{*}.

Досада горе-теоретиков на факт явного массового человеческого здравомыслия вполне понятна. И что же им остается еще в таком случае, как не ссылаться друг на друга до бесконечности? Например, так: “В этой ситуации вполне справедливым представляется замечание одного из специалистов по проблемам этничности и национализма Томаса Эриксона: “На уровне самосознания национальная принадлежность — это вопрос веры. Нация, то есть представляемая националистами как “народ” (*volk*), является продуктом идеологии национализма, а не наоборот. Нация возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация

^{*} Уверен, что неблагозвучное для русского уха слово “примордиализм” (как нечто состоящее “при морде”) излюблено нашим противником не случайно, хотя замену ему отыскать так легко! Дешевый, но действенный приемчик обращения к подсознанию. Мы вместо слова “примордиализм” будем использовать “естественно-научный подход”, “биологизм” и др.

начинается как явление, порождаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне”.

Тишков не брезгает опираться и на давно развенчанные, невежественные и пустые умствования соросовского любимчика Карла Поппера, который, оказывается, “еще в 1945 г. писал в своей работе “Открытое общество и его враги”: “Попытка отыскать некоторые “естественные” границы государств и, соответственно, рассматривать государство как “естественный” элемент приводит к принципу национального государства и к романтическим фикциям национализма, расизма и трайбализма. Однако этот принцип не является “естественным”, и мысль о том, что существуют такие естественные элементы, как нации, лингвистические или расовые группы, – чистый вымысел”.

Легко видеть, что и авторитеты, к которым апеллирует Тишков, вовсе не блещут аргументацией и логикой. И тогда почтенный членкор РАН опускается до антинаучного приема: он манипулирует недоказанным как доказанным, стремясь убедить свою аудиторию, что лоббируемые им идеи якобы давно и безраздельно торжествуют в “цивилизованном” обществе и в современном “подлинно научном” мире. С легкостью необыкновенной он утверждает, например:

– “По моим собственным убеждениям, “национальная политика” – это политика осуществления национальных интересов государства. Именно так это принято понимать во всем мире”;

– “Может быть, выход из теоретического тупика – в отказе от термина “нация” в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, то есть нация – это совокупность граждан одного государства?.. Для большинства населения мира такое понимание является нормой”;

– “Гражданский национализм, основанный на понятии “народа” как территориального сообщества и понятии “нации” как многокультурной политической общности, считается как бы нормой человеческого общежития... Из этой посылки исходят как большинство государственных доктрин, так и международно-правовая практика”.

Ничтоже сумняшеся вся отечественная этнологическая традиция не только противопоставляется западному образцу, но и объявляется неполноценной на его фоне. Тишков прекрасно осведомлен о том, что в России давно сложилась оригинальная научная школа именно в этнологии и антропологии (которыми он, к несчастью, призван руководить) и что постулаты этой школы идут полностью вразрез с его теориями. Описывая сложившуюся в России научную традицию, он констатирует:

– “В советском обществознании понятие нации как некоего архетипа, как “этносоциального организма” утвердилось и остается пока господствующим и противопоставляется этатистскому значению слова “нация” (как согражданство), которое якобы всего лишь утвердилось во французском, а затем и в английском языке”;

– “За внешней ругательно-осуждающей дефиницией национализма на самом деле присутствовал безоговорочно господствующий этнонационализм как в науке, так и в политике. Таковой ситуация остается и поныне... Биологический принцип крови оказывается для сторонников таких взглядов важнее культурной включенности – например, знания языка или факта проживания на территории государственного образования”;

– “При критическом отношении к биологизаторским моментам, на глупо примордиалистских позициях стоял и Ю. В. Бромлей, а вместе с ним и все советские обществоведы, для которых базовой категорией и архетипом был “этнос” как “этносоциальный организм”, а его высшим типом – нация. В целом, в мировой этнологии и социально-культурной антропологии этот подход остается маргинальным и подвергается серьезной критике”.

Тишков вновь и вновь пытается утвердить на голом месте конструктивистский подход, разрушив для этого фронтально противостоящий ему солидарный взгляд отечественной науки: “Мы бы хотели отметить особое значение конструктивистского подхода по двум причинам: во-первых, он все еще остается абсолютно чужд отечественному обществоведению и, во-вторых, именно общественная практика посткоммунистического

пространства демонстрирует изобилие примеров в пользу конструктивистских интерпретаций этничности и этнического конфликта”. Однако никакого “изобилия примеров” Тишков именно что не приводит.

Не имея, видимо, настоящих аргументов, Тишков пытается подтвердить свою позицию то якобы международно признанными научными стандартами, то якобы международно признанными научными авторитетами. Забывая, что, во-первых, наука не любит однажды и навсегда установленных стандартов, а во-вторых, что в нашей стране сложилась цельная, непротиворечивая и устойчивая традиция в социальных науках, рассматривающая те же проблемы с диаметральной, противоположной позиции. Твердокаменный “демократ первой волны”, Тишков пытается убеждать нас в неполноценности этой традиции по сравнению с западным образцом. Он свято убежден в непогрешимости американской этнополитической модели и, быть может, именно поэтому так явно пренебрегает аргументацией. Ведь для него США – пример и идеал.

Именно как величайший позитив, достойный не просто подражания, а повсеместного утверждения, приводит он данные американской статистики: “В США, по переписи 1980 г., 12 млн граждан не смогли определить свое этническое происхождение по народу-предку и назвали таковым “американское”, а более 80 млн указали смешанное происхождение”. Как хорошо было бы, с точки зрения Тишкова, чтобы и в России население определилось бы подобным образом именно как “российское”, а не русское, татарское, бурятское и т. д.! Ведь, по его мнению, “оснований признать существование общероссийской гражданской общности, а тем более предпринимать усилия по ее укреплению более чем достаточно”, поскольку “рядовое сознание граждан здесь более гомогенно, чем сознание и установки интеллектуальных и политических элит”. А уж коли пока что с тотальным “россиянством” не вытанцовывается, то, по крайней мере, надо взять пример со Штатов в формировании высших властных структур. И начать надо “с недавнего примера формирования президентом США Б. Клинтоном состава новой администрации. Президент открыто сформулировал принцип, что его кабинет из 14 человек должен “выглядеть, как Америка”, то есть отражать этническую, расовую и половую мозаику общества... В итоге специальных усилий в кабинет вошли 4 афроамериканца, 2 испаноамериканца, 3 женщины и еще 2 женщины заняли должности, приравниваемые к членам кабинета. Этот же принцип сейчас проводится при заполнении примерно 3 тыс. высоких должностных постов, которые обычно переходят к сторонникам победившей партии”. На мой взгляд, в таком подходе нет ничего, кроме дешевого популизма и злостного идиотизма, но для Тишкова это – образец!

Американские и канадские стандарты играют роль шор на глазах Тишкова; но мы-то видим принципиальные отличия этих стран от России, не позволяющие применять данные стандарты в нашей стране. США и Канада – страны, созданные эмигрантами, пришельцами, вторженцами; у этих стран нет и по определению не может быть государствообразующего народа. В России такой народ есть, он один-единственный, и этот народ – русские. Там “нация” – это фикция, обозначающая некий случайно сложившийся мозаичный конгломерат народов (именно поэтому Тишков и утверждает, совершенно ошибочно, будто “нация есть многоэтническое по составу образование, основными признаками которой являются территория и гражданство”). В России же есть русский народ, создавший некогда здесь свою государственность и самоопределившийся на всей территории страны. В США коренные автохтонные народы загнаны в резервации, а все остальные пользуются нравственным оправданным равноправием – все будучи равными по положению пришельцами. В России же русские упорно не идут (и не пойдут!) в резервации, и никакое “равноправие” не кажется им справедливым в стране отцов, которую они столетиями берегут от хищных пришельцев.

Основная беда Тишкова, однако, не в том, что он видит в писаниях отдельных западных теоретиков и в практике отдельных западных стран достоинства, коих там нет. Беда еще и в ущербности его личной жизненной позиции, его *credo*, о котором он проговаривается невзначай, но очень характерно. Судите сами:

“Человек рождается и живет прежде всего не для служения группе/нации, а для собственного социального преуспеяния. И свободу индивид

обретает не в ассоциации, а в диссоциации от группы”. Этот принцип “демократического устройства общества” Тишков считает настолько важным и ценным, что дословно повторяет его в книге еще раз.

О том, что сугубо эгоистический, “шкурный” подход является для Тишкова глубоко органичным, как и о том, что он сильно ошибся, экстраполировав этот подход на бесконечно чуждый ему русский народ, говорит ошибочный прогноз, сделанный Тишковым с уверенностью пророка: “Главная “неожиданность” ожидает русских к моменту очередной переписи населения в 1999 г. По нашему прогнозу, произойдет резкое уменьшение доли русского населения в России (возможно, с 82% до 70%), но не столько по причине более низкой рождаемости. Миллионы россиян смешанного происхождения, до этого заявлявшие себя русскими, предпочтут сменить свою этничность и “перейти в другой народ” под воздействием социально-политических и культурных обстоятельств... В нынешней и будущей ситуации быть русским может стать менее “выгодно”, чем, скажем, евреем, немцем, греком или корейцем, т. к. это обещает лучшие шансы на эмиграцию в страны с более высоким жизненным уровнем и лучшими возможностями для профессиональной деятельности. Отныне безусловные преимущества для лиц смешанного происхождения предоставляет переход в категорию титульной национальности на территории российских республик. Это особенно скажется на этническом составе населения регионов давних культурных контактов с высокой долей смешанного населения, где до этого часто предпочтительный выбор делался в пользу русской национальности (Поволжье и Северный Кавказ)”. Как известно, Тишков крупно ошибся, даже слишком крупно для директора НИИ: процент русских в России практически не изменился. Важность “шкурных” мотивов для русского человека он явно переоценил, напрасно посудив о нас по себе.

Здесь мы отчетливо наблюдаем другую ахиллесову пяту Тишкова: **его отношение к русскому народу**, его понимание русского вопроса. Русофобия (в обоих смыслах слова) высокопоставленного чиновника очевидна. А ярая настойчивость, с которой он выступает против русских прав и интересов, а также против русских националистов – защитников этих прав и интересов, заставляет подозревать глубоко личные, интимные мотивы. Будучи главным автором ельцинской концепции национальной политики (официального документа, имеющего некоторую юридическую силу), он постарался внести в нее принципы, противоречащие интересам русской нации. Как сам он с гордостью отчитывается, “это была первая попытка провести в официальном документе мысль, что права гражданина выше прав нации”. Во что вылился этот подход? Вот отчет Тишкова:

– “Проект концепции содержал рекомендации в адрес федеральных властей по расширению представительства нерусских народов и культур в центре страны, в том числе организацию вещания на языках других крупных народов страны (татар, чувашей, бурят, чеченцев и др.) и даже их визуальное присутствие на экранах телевизоров”;

– “Были учтены все основные замечания, в том числе и самые “неудобные”, от Татарстана, Башкирии, а также МИДа и Минэкономики России. Из текста ушли излишне назойливые упоминания о сохранении целостности государства и определяющей роли русского народа в государствообразующем процессе, вписанные некоторыми напуганными авторами в первоначальный вариант”;

– “Основным в проекте концепции был раздел, посвященный дальнейшему развитию федерализма в России, имея в виду децентрализацию власти в пользу субъектов федерации (в данном случае – республик)”;

– “В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов... Все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет о всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны”;

– “Одной из срочных и важных мер в этом направлении должна быть отмена государственной фиксации национальности граждан Российской Федерации, а также предоставление возможности россиянам в ходе переписей населения указывать любую национальность, или сложную (двойную или тройную) национальность, или не указывать никакой. Такова общими-

ровая практика”. (Понятно, чей вклад в отмену графы “национальность “ в паспортах был столь весом?)

Итак, в лице Тишкова мы видим человека, давно, упорно и сознательно вредящего русскому народу, проводящего по мере сил в жизнь противоречащие русским интересам установки. Да и как могло быть иначе, если теоретические представления Тишкова о роли и месте русских в России подобны следующим:

– “Россия не есть “национальное государство” этнических русских”;
– “Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени “русской нации” как некой “государствообразующей” или “сплывающей” нации... Категория “русской нации” закрывает возможность открыто сформулировать понятие России как политической нации”;

– “К сожалению, политическое и культурное пространство страны, особенно ее Центра, остается доминирующим этническими русскими и русской культурой. Достаточно привести пример избранной Государственной Думы в 1993 г., где решительно преобладают политики московского Садового кольца, а представительство регионов и этнических общин явно недостаточно. То же самое относится, даже в большей степени, к составу исполнительных органов власти, престижным позициям в офицерском и дипломатическом корпусе, в средствах массовой информации. В центральных средствах массовой информации фактически звучит только русская речь”;

– “Мы не разделяем популистскую риторику некоторых политиков и истеричность русских национал-патриотов о “геноциде русской нации”, “антирусской политике правительства” и т. п. Это опасная и, к сожалению, набирающая силу общественная тенденция”.

Что же я могу сказать о Тишкове в заключение? Всего несколько слов: самоуверенный лжепророк, бесконечно далекий от реалий и потребностей нашей Родины, вельможный русофоб и добросовестный агент антирусских сил.

* * *

Читатель получил некоторое представление о российских адептах антинаучной политкорректности, процветших под высокой эгидой ИЭА РАН благодаря директору этого института В. А. Тишкову. Будучи сами абсолютно маргинальными относительно мейнстрима отечественной этнологии, антропологии и социологии, российские конструктивисты тем яростнее обвиняют в маргинальности всю отечественную научную традицию. Апеллируя при этом к столпам современного философского идеализма, действующим в лоне западной общественной науки – “науки мнений”, а не науки знаний и фактов.

В чем опасность для нашей страны деятельности такого рода? Об этом хорошо сказала известная исследовательница-антрополог Г. А. Аксянова в уже цитированном докладе “Категоризация как универсальное явление осознания мира (на примере расовой дифференциации человека)”: “Отказ признавать реальность существования рас у человека... это отказ от эффективного инструмента изучения истории человеческих популяций. Ведь только факт существования легко выявляемого внешнего разнообразия может послужить основой для категоризации на “своего” и “чужого”.

Утрата такой важнейшей идентификации – не шутка; это смертельно опасная потеря. Совершенно верно пишет В. Б. Авдеев:

“Биологическая дезориентация на уровне главного принципа “свой – чужой” равносильна гибели и прерыванию всей эволюционной цепи. Любые системы ценностей, оспаривающие сам этот принцип, подобны смертоносному вирусу, единственной целью существования которого и является убийство живой системы, в теле которой он паразитирует. Поэтому и приговор наш и степень решимости должны быть твердыми и предельно ясными”*. Да будет так.

---

* Авдеев В. Б. Расология. М., Белые альвы, 2005. С. 269.